

Н. Лесков

Собрание сочинений. Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л50

Лесков Н.С.
Л50 Собрание сочинений. Том 7 / Н. Лесков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 346 с.

ISBN 978-5-458-03825-6

Великий русский писатель Н. С. Лесков стремился в своем творчестве постигнуть жизнь разных классов, социальных групп, сословий России, создать многокрасочный, сложный, во многом еще не изученный образ всей страны в один из самых трудных периодов ее существования. В седьмой том вошли произведения: "Белый орел", "Левша", "Леон дворецкий сын", "Штопальщик", "Путешествие с нигилистом" и т.д.

ISBN 978-5-458-03825-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.С. Лесков, 2021

Николай Семенович Лесков
Собрание сочинений в
одиннадцати томах
Том 7

Белый орел

(Фантастический рассказ)

*Собаке снится хлеб, а рыба — рыба-
ку.¹*

Феокрит (Идиллия).

Глава первая

«Есть вещи на свете»². С этого обыкновенно у нас принято начинать подобные рассказы, чтобы прикрыться Шекспиром от стрел остроумия, которому нет ничего неизвестного. Я, впрочем, все-таки думаю, что «есть вещи» очень странные и непонятные, которые иногда называют сверхъестественными, и потому я охотно слушаю такие рассказы. По этому же самому, два-три года тому назад, когда мы, умаяясь до детства, начали играть в духовидство³, я охотно присоседился к одному из таких кружков, уставом которого требовалось, чтобы в наших собраниях по вечерам не произносить ни одного слова ни о властях, ни о началах мира земного, а говорить единственно о бесплотных духах — об их появлении и участии в судьбах людей живущих. Даже «консервировать⁴ и спасти Россию» не позволялось, потому что и в этом случае многие, «начиная за здоровье, все сводили за упокой».

На этом же основании строго преследовалось всякое упоминание всеу каких бы то ни было «больших имен», кроме единственного имени божия, которое, как известно, наичаще употребляется для красоты слога. Бывали, конечно, нарушения, но и то с большою осторожностью. Разве какие-нибудь два нетерпеливейшие из политиков отобьются к окну или к камину и что-то пошепчут, но и то один другого предостерегает: «*pas si haut!*»⁵ А хозяин их уже назирает и шутя грозит им штрафом.

Каждый должен был по очереди рассказывать что-нибудь фантастическое *из своей жизни*, а как меньше рассказывать дается не всякому, то к рассказам с художественной стороны не придирались. Не требовали также и доказательств. Если рассказчик говорил, что рассказываемое им событие действительно происходило с ним, ему верили или по крайней мере притворялись, будто верят. Такой был этикет.

Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. В том, что «есть вещи, которые не снились мудрецам», я не сомневаюсь, но как такие вещи кому представляются — это меня чрезвычайно занимало. И в самом деле, субъективность тут достойна большого внимания. Как, бывало, ни старается рассказчик, чтобы стать в высшую сферу бесплотного мира, а всё непременно заметишь, как замогильный гость приходит на землю, окрашиваясь, точно световой луч, проходящий через цветное стекло. И тут уже не разберешь, что ложь, что истина, а между тем следить за этим интересно, и я хочу рассказать такой случай.

Глава вторая

«Дежурным мучеником», то есть очередным рассказчиком, было довольно высокопоставленное и притом очень оригинальное лицо, Галактион Ильич, которого в шутку звали «худородный⁶ вельможа». В кличке этой скрывался калам-

бур: он действительно был немножко вельможа и притом был страшно худ, а вдобавок имел очень незнатное происхождение. Отец Галактиона Ильича был крепостным буфетчиком в именитом доме, потом откупщиком и, наконец, благотворителем и храмоздателем⁷, за что получил в сей брэнной жизни орден, а в будущей место в царстве небесном. Сына он обучал в университетге и вывел в люди, но «вечная память», которую пели ему над могилой в Невской лавре, сохранилась и тяготела над его наследником. Сын «человека»⁸ достиг известных степеней и допускался в общество, но шутка все-таки волокла за ним титул «худородного».

Об уме и способностях Галактиона Ильича едва ли у кого-нибудь были ясные представления. Что он мог сделать и чего не мог, — этого тоже наверно никто не знал. Кондуит⁹ его был короток и прост: он в начале службы, по заботам отца, попал к графу Виктору Никитичу Панину¹⁰, который любил старика за какие-то известные ему достоинства и, приняв сына под свое крыло, довольно скоро выдвинул его за тот предел, с которого начинаются «ходы».

Во всяком случае надо думать, что он имел какие-нибудь достоинства, за которые Виктор Никитич мог его повышать. Но в свете, в обществе Галактион Ильич успеха не имел и вообще не был избалован насчет житейских радостей. Он имел самое плохое, хлипкое здоровье и фатальную наружность. Такой же долгий, как его усопший патрон, граф Виктор Никитич¹¹, — он не имел, однако, внешнего величия графа. Напротив, Галактион Ильич внушал ужас, смешанный с некоторым отвращением. Он в одно и то же время был типический деревенский лакей и типический живой мертвец. Длинный, худой его остов был едва обтянут сероватой кожей, непомерно высокий лоб был сух и желт, а на висках отливала бледная трупная зелень, нос широкий и короткий, как у черепа; бровей ни признака, всегда полуоткрытый рот с сверкающими длинными зубами, а глаза темные, мутные, совершенно бесцветные и в совершенно черных глубоких яминах.

Встретить его — значило испугаться.

Особенностью наружности Галактиона Ильича было то, что в молодости он был гораздо страшнее, а к старости становился лучше, так что его можно было переносить без ужаса.

Характера он был мягкого и имел доброе, чувствительное и даже, как сейчас увидим, — сентиментальное сердце. Он любил мечтать и, как большинство дурнорожих людей, глубоко таил свои мечтания. В душе он был поэт больше чем чиновник и очень жадно любил жизнь, которую никогда во все удовольствие не пользовался.

Несчастье свое он нес на себе и знал, что оноечно и неотступно с ним до гроба. В самом его возвышении по службе для него была глубокая чаша горечи: он подозревал, что граф Виктор Никитич держал его при себе докладчиком больше всего в тех соображениях, что он производил на людей подавляющее впечатление. Галактион Ильич видел, что когда люди, ожидающие у графа приема, должны были изложить ему цель своего прихода, — у них мерк взор и подгибались колена... Этим Галактион Ильич много содействовал тому, что после него личная беседа с самим графом каждому была уже легка и отрадна.

С годами Галактион Ильич из чиновника докладывающего стал сам лицом, которому докладывают, и ему дано было очень серьезное и щекотливое поручение в отдаленной местности, где с ним и случилось сверхъестественное событие,

о котором ниже следует его собственный рассказ.

Глава третья

— Не с большим двадцать пять лет тому назад, — начал худородный сановник, — до Петербурга стали доходить слухи о многих злоупотреблениях власти губернатора П-ва. Злоупотребления эти были обширны и касались почти всех частей управления. Писали, будто губернатор собственноручно бил и сек людей; забирал вместе с предводителем для своих заводов всю местную поставку вина; брал произвольные ссуды из приказа; требовал к себе для пересмотра всю почтовую корреспонденцию — подходящее отправлял, а неподходящее рвал и метал в огонь, а потом мстил тем, кто писал; томил людей в неволе. А при этом он был, однако, артист; содержал большой, очень хороший оркестр, любил классическую музыку и сам превосходно играл на виолончели.

Долго о его бесчинствах доносились только слухи, но потом взялся там один маленький чиновник, который притащился сюда в Петербург, очень обстоятельно и в подробности описал всю эпопею и подал ее сам в надлежащие руки.

История выходила такая, что хоть сейчас сенаторскую ревизию назначать. По настоящему оно так бы и следовало, но и губернатор и предводитель были на лучшем счете у покойного государя, а потому взяться за них было не совсем просто. Виктор Никитич хотел прежде обо всем удостовериться поточнее через *своего* человека, и выбор его пал на меня.

Призывает он меня и говорит:

«Так и так, доходят вот такие и такие печальные вести, и, к сожалению, кажется, в них как будто есть статочность; но прежде, чем дать делу какое-нибудь движение, я желаю в этом поближе удостовериться и решил употребить на это вас».

Я кланяюсь и говорю:

«Если могу, буду очень счастлив».

«Я уверен, — отвечает граф, — что вы можете, и я на вас полагаюсь. У вас есть такой талант, что вам вздоров говорить не станут, а всю правду выложат».

— Талант этот, — пояснил, тихо улыбнувшись, рассказчик, — это моя печальная фигура, наводящая уныние на фронт; но кому что дано, тот с тем и мыкайся.

«Бумаги все для вас уже готовы, — продолжал граф, — и деньги тоже. Но вы едете *только* по одному нашему ведомству... Понимаете, *только!*»

«Понимаю», — говорю.

«Ни до каких злоупотреблений по другим ведомствам вам как будто дела нет. Но это только так должно казаться, что *нет*, а на самом деле вы должны узнать *все*. С вами поедут два способных к делу чиновника. Приезжайте, засядьте за дело и вникайте будто всего внимательнее в канцелярский порядок и формы судопроизводства, а сами смотрите во всё... Призывайте местных чиновников для объяснений и... смотрите *построже*. А назад не торопитесь. Я вам дам знать, когда вернуться. Какая у вас последняя награда?»

Я отвечаю:

«Владимир второй степени с короной».

Граф снял своей огромной рукою его известный тяжелый бронзовый пресспапье «убитую птичку», достал из-под него столовую памятную тетрадь, а правою рукою всеми пятью пальцами взял толстый исполин-карандаш черного де-

рева и, нимало от меня не скрывая, написал мою фамилию и против нее «*белый орел*»¹².

Таким образом я знал даже награду, которая ожидала меня за исполнение возложенного на меня поручения, и с тем совершенно спокойный уехал на другой же день из Петербурга.

Со мною был мой слуга Егор и два чиновника из сената — оба люди ловкие и светские.

Глава четвертая

Доехали мы, разумеется, благополучно; прибыв в город, наняли квартиру и расположились все: я, мои два чиновника и слуга.

Помещение было такое удобное, что я вполне мог отказаться от удобнейшего, которое мне предупредительно предлагал губернатор.

Я, разумеется, не хотел быть ему обязан ни малейшей услугой, хотя мы с ним, конечно, не только разменялись визитами, но даже я раз или два был у него на его гайденовских квартетах¹³. Но, впрочем, я до музыки не большой охотник и не знаток, да и вообще, понятно, старался не сближаться более, чем мне нужно, а нужно мне было видеть не его галантность, а его темные деяния.

Впрочем, губернатор был человек умный и ловкий и своим вниманием мне не докучал. Он как будто оставил меня в покое возиться с входящими и исходящими регистрами и протоколами, но тем не менее я все-таки чувствовал, что вокруг меня что-то копошится, что люди вышупывают, с какой бы стороны меня уловить и потом, вероятно, запутать.

К стыду рода человеческого должен упомянуть, что не считаю в этом совсем безучастными даже и прекрасный пол. Ко мне стали являться дамы то с жалобами, то с просьбами, но при всем этом всегда еще с такими планами, которым я мог только подивиться.

Однако я вспомнил совет Виктора Никитича, — «посмотрел поостроже», и грациозные видения снились с моего, неподходящего для них, горизонта. Но мои чиновники имели в этом роде успехи. Я это знал и не препятствовал им ни волочиться, ни выдавать себя за очень больших людей, за каких их охотно принимали. Мне было даже полезно, что они там кое-где вращаются и преуспевают в сердцах. Я требовал только, чтобы не случилось никакого скандала и чтобы мне было известно, на какие пункты их общительности сильнее налегает провинциальная политика.

Они были ребята добросовестные и всё мне открывали. От них всё хотели узнать мою слабость и что я особенно люблю.

Им бы поистине этого никогда не добаться, потому что, благодаря бога, особенных слабостей у меня нет, да и самые вкусы мои, с коих пор себя помню, всегда были весьма простые. Ем я всю жизнь стол простой, пью обыкновенно одну рюмку простого хересу, даже и в лакомствах, до которых смолodu был охотник, — всяким тонким желе и ананасам предпочитаю астраханский арбуз, курскую грушу или, по детской привычке, медовый папошник¹⁴. Не завидовал я никогда ничьему богатству, ни знаменитости, ни красоте, ни счастьем, а если чему завидовал, то, можно сказать, разве одному *здоровью*. Но и то слово зависть не идет к определению моего чувства. Вид цветущего здоровьем человека не возбуждал во мне досадливой мысли: зачем он таков, а я не таков. Напротив, я

глядел на него только радуясь, какое море счастья и благ для него доступно, и тут, бывало, разве иногда помечтаю на разные лады о невозможном для меня счастье пользоваться здоровьем, которого мне не дано.

Приятность, которую доставлял мне вид здорового человека, развила во мне такую же странность в эстетическом моем вкусе: я не гонялся ни за Тальони¹⁵, ни за Бозио¹⁶ и вообще был равнодушен как к опере, так и к балету, где все такое искусственное, а больше любил послушать цыган на Крестовском. Их этот огонь и пыл, эта их страстная сила движений мне лучше всего нравились. Иной даже не красив, корявый какой-нибудь, а пойдет — точно сам сатана его дергает, ногами пляшет, руками машет, головой вертит, талией крутит — весь и колотит и молотит. А тут в себе знаешь только одни немощи, и поневоле заглядишься и замечтаешься. Что с этим можно вкусить на пиру жизни?

Вот я и сказал моему чиновнику:

«Если вас, друг мой, будут еще спрашивать: что мне более всего нравится, скажите, что здоровье, что я больше всего люблю людей бодрых, счастливых и веселых».

— Кажется, тут нет большой неосторожности? — приостановясь, спросил рассказчик.

Слушатели подумали, и несколько голосов отвечали:

— Конечно, нет.

— Ну и прекрасно, и я тоже думал, что нет, а теперь вы извольте дальше слушать.

Глава пятая

Ко мне из палаты присылали в мое распоряжение на дежурство чиновника. Так, он докладывал мне о приходящих, отмечал кое-что и, в случае надобности, сообщал адреса, за кем надо было послать или о чем-нибудь сходить справиться. Чиновник дан был под стать мне — пожилой, сухой и печальный. Впечатление производил нехорошее, но я мало обращал на него внимания, а звали его, как я помню, Орнатский. Фамилия прекрасная, точно герой из старинного романа. Но вдруг в один день говорят: Орнатский занемог, и вместо его экзекутор¹⁷ прислал другого чиновника.

— Какой такой? — спрашиваю. — Может быть, я лучше бы подождал, пока Орнатский выздоровеет.

— Нет-с, — отвечает экзекутор, — Орнатский теперь не скоро, — он запис, и запой у него продолжится, пока Ивана Петровича мать его выпользует, а о новом чиновнике не извольте беспокоиться: вам вместо Орнатского самого Ивана Петровича назначили.

Я на него смотрю и немнотечко не понимаю: про какого это он мне про *самого* Ивана Петровича говорит, и в двух строках два раза его проименовал.

— Что это, — говорю, — за Иван Петрович?

— Иван Петрович!.. это который у регистратуры сидит — помощник. Я думал, что вы его изволили заметить: самый красивый, его все замечают.

— Нет, — говорю, — я не заметил, а как его зовут?

— Иван Петрович.

— А фамилия?

— Фамилия...

Экзекутор сконфузился, взялся тремя пальцами за лоб и силился припомнить, но вместо того, почтительно улыбаясь, добавил:

— Простите, ваше превосходительство, вдруг как столбняк нашел и не могу вспомнить. Фамилия его Аквилальбов¹⁸, но мы все его называем просто Иван Петрович или иногда в шутку «Белый орел» за его красоту. Человек прекрасный, на счету у начальства, жалования по должности помощника получает четырнадцать рублей пятнадцать копеек, живет с матушкой, которая некоторым гадает и пользуется. Позвольте представить: Иван Петрович дожидается.

— Да, уж если так нужно, то попросите, пожалуйста, сюда этого Ивана Петровича.

«Белый орел! — думаю себе, — что это за странность. Мне орден следует белый орел, а не Иван Петрович».

А экзекутор приотворил дверь и крикнул:

— Иван Петрович, пожалуйста.

Я не могу вам его описывать без того, чтобы не впасть в некоторый шарж и не делать сравнений, которые вы можете счесть за преувеличения, но я вам ручаюсь, что как бы я ни старался расписать вам Ивана Петровича — живопись моя не может передать и половины красот оригинала.

Передо мною стоял настоящий «Белый орел», форменный *Aquila alba*,¹⁹ как его изображают на полных парадных приемах у Зевса²⁰. Высокий, крупный, но чрезвычайно пропорциональный мужчина, и такого здорового вида, будто он никогда не горел и не болел, и не знал ни скуки, ни усталости. От него пышило здоровьем, но не грубо, а как-то гармонично и привлекательно. Цвет лица у Ивана Петровича был весь нежно-розовый с широким румянцем, щеки обрамлены светло-русым пушком, который, однако, уже переходил в зрелую растительность. Лет ему было как раз двадцать пять; волосы светлые, слегка волнистые, blonde, и такая же бородка с нежной подпалиной и синие глаза под темными бровями и в темных ресницах. Словом, сказочный богатырь Чурило Апленикович не мог быть лучше. Но прибавьте к этому смелый, очень осмысленный и веселоткрытый взгляд, и вы имеете перед собою настоящего красавца. Одет он в вицмундир, который сидел отлично, и темно-гранатного цвета шарф с пышным бантом.

Тогда носили шарфы.

Я и залюбовался Иваном Петровичем и, зная, что произвожу на людей, первый раз меня видящих, впечатление не легкое, сказал запросто:

— Здравствуйте, Иван Петрович!

— Здравия желаю, ваше превосходительство, — отвечал он очень задушевым голосом, который тоже показался мне чрезвычайно симпатичным.

Говоря ответную фразу в солдатской редакции, он, однако, мастерски умел дать своему тону оттенок простой и вполне позволительной шутиivosti, и в то же время один этот ответ устанавливал для всей беседы характер своего рода семейной простоты.

Мне становилось понятным, почему этого человека «все любят».

Не видя никакой причины мешать Ивану Петровичу держать его тон, я сказал ему, что я рад с ним познакомиться.

— И я с своей стороны тоже считаю это для себя за честь и за удовольствие, — отвечал он стоя, но выступив шаг вперед своего экзекутора.

Мы раскланялись, — ээкекутор ушел на службу, а Иван Петрович остался у меня в приемной.

Через час я попросил его к себе и спросил:

— У вас хороший почерк?

— У меня характер письма твердый, — отвечал он и сейчас же добавил: — Вам угодно, чтобы я что-нибудь написал?

— Да, потрудитесь.

Он сел за мой рабочий стол и через минуту подал мне лист, посередине которого четкою скорописью «твердого характера» было написано: «Жизнь на радость нам дана. — Иван Петров Аквиляльбов».

Я прочел и неудержимо рассмеялся: лучше того, что он написал, не могло к нему идти никакое выражение. «Жизнь на радость»; *вся* жизнь для него сплошная радость!

Совсем в моем вкусе человек!..

Я дал ему переписать на моем же столе малозначительную бумагу, и он сделал это очень скоро и без малейшей ошибки.

Потом мы расстались. Иван Петрович ушел, а я остался один дома и предался своей болезненной хандре, и признаюсь — черт знает почему, несколько раз переносился мыслию к *нему*, то есть к Ивану Петровичу. Ведь вот он небось не охает и не хандрит. Ему жизнь на радость дана. И где это он проживает ее с такой радостью на свои четырнадцать рублей... Поди, пожалуй, в карты счастливо играет, или тоже взяточки перепедают... А может быть, купчихи... Недаром у него этот такой свежий гранатный галстух...

Сижу за раскрытыми передо мною во множестве делами и протоколами, а думаю о таких бесцельных, вовсе до меня не относящихся пустяках, а в это самое время человек докладывает, что приехал губернатор.

Прошу.

Глава шестая

Губернатор говорит:

— У меня послезавтра квинтет, — надеюсь, будет недурно сыграно, и дамы будут, а вы, я слышал, захандрили у нас в глуши, и приехал вас навестить и просить на чашку чаю — может быть, не лишнее будет немножко развлечься.

— Покорно вас благодарю, но отчего вам кажется, что я хандрю?

— По Ивана Петровича замечанию.

— Ах, Иван Петрович! Это который у меня дежурит? И вы его знаете?

— Как же, как же. Это наш студент, артист, хорист, но только не аферист²¹.

— Не аферист?

— Нет, он так счастлив, как Поликрат²², ему не надо быть аферистом. Он всеобщий любимец в городе — и непрременный член по части всяких веселостей.

— Он музыкант?

— Мастер на все руки: спеть, сыграть, протанцевать, веселые фанты устроить — все Иван Петрович. Где пир, там и Иван Петрович: затевается аллегри²³ или спектакль с благотворительною целью — опять Иван Петрович. Они выигрыши распределит и вещицы всех красивее расставит; сам декорации нарисует, а потом сейчас из маляра в актера на любую роль готов. Как он играет королей, дядюшек, пылких любовников — это загляденье, но особенно хорошо он старух представ-

ляют.

— Будто и старух!

— Да удивительно! вот я к послезавтрашнему вечеру, признаться, и готовлю с помощью Ивана Петровича маленький сюрприз. Будут живые картины. — Иван Петрович их поставит. Разумеется, будут и такие, что ставятся для дам, желающих себя показать, но три будут иметь кое-что и для настоящего художника.

— Это сделает Иван Петрович?

— Да, Иван Петрович. Картины представляют «Саула у волшебницы андорской»²⁴. Сюжет, как известно, библейский, а расположение фигур несколько дутое, что называется «академическое», но тут все дело в Иване Петровиче. На одного его все и будут смотреть — особенно когда при втором открытии картины обнаружится наш сюрприз. Вам я могу сказать этот секрет. Картина открывается, и вы увидите Саула: это царь, царь с головы до ног! Он будет одет, как все. Ни малейшего отличия, потому что по сюжету Саул приходил к волшебнице переодетым, так чтобы она его не узнала, но его *нельзя не узнать*. Он царь, и притом настоящий библейский царь-пастух. Но занавес упадет, фигура быстро изменяет свое положение: Саул лежит ниц перед явившейся тенью Самуила. — Саула теперь все равно что нет, но зато какого видите Самуила в саване!.. Это вдохновеннейший пророк, на раменах²⁵ которого почиет сила в лице, величие и мудрость. *Этот мог «повелеть царю явиться и в Вефилеи в Галгалах»*²⁶.

— И это будет опять Иван Петрович?

— Иван Петрович! но ведь это не конец. Если попросят повторения, — в чем я уверен и сам о том позабочусь, — то мы вас не станем томить задами, а вы увидите продолжение эпопеи.

Новая сцена из жизни Саула будет совсем без Саула. Тень исчезла, царь и сопровождавшие его вышли; в двери можно заметить только кусок плаща на спине последней удаляющейся фигуры, а на сцене одна волшебница...

— И это опять Иван Петрович!

— Разумеется! Но ведь вы перед собою увидите не то, как изображают ведьм в «Макбете»²⁷... Никакого столбнякового ужаса, ни ломки, ни кривляний, но вы увидите лицо, которое знает то, что не снилось мудрецам²⁸. Вы увидите, как страшно говорить с выходцем из могилы.

— Воображаю. — отвечал я, будучи всемерно далек от мысли, что не пройдет трех дней, как мне придется не воображать, а на самом себе испытывать такую пытку.

Но это пришло после, а теперь все было полно одним Иваном Петровичем — этим веселым, живым человеком, который вдруг, как боровичок после грибного дождика, из муравы выскочил, не велик еще, а отовсюду его видно, — все на него поглядывают и улыбаются: «Вот-де какой крепенький да хорошенький».

Глава седьмая

Я вам передавал, что говорил о нем его экзекутор и губернатор, а когда я полубопытствовал, не слышал ли чего-нибудь о нем один из моих чиновников светского направления, так они оба враз заговорили, что встречали его и что он в самом деле очень мил и хорошо поет с гитарой и с фортепиано. И им он тоже нравился. На другой день заходит протопоп. Он, как я побывал у него в церкви, всякий праздник приносил мне просфору и на всех священнобедничал. Он ни